

Темпоральная семантика слова *общество* (XI — первая треть XIX века)

Галина Дуринова

Аспирантка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация 119234
E-mail: galina.dourinova@gmail.com

Предметом актуального в современной гуманитарной науке направления «истории понятий» (Begriffsgeschichte) является социально-политическая терминология отдельных языков. Центральная идея этого направления — признание ключевой роли языка в осмыслении и продуцировании исторических событий (Р. Козеллек). При очевидной соотнесенности сформулированной таким образом задачи с интересами исторической семантики, роль собственно лингвистического анализа ключевых исторических понятий остается маргинальной. Между тем теоретически значимый для Р. Козеллека термин «темпоральная структура понятия» позволяет по-новому взглянуть на «вечный» вопрос в лингвистике — о том, как и почему меняется язык (в том числе значения слов). Представляется, что традиционный вопрос «Когда у слова *общество* возникает социально-политическое значение?» следует задать иначе: «Какое из вырабатываемых словом значений стало значением политическим?» Эти «вырабатываемые» языком смыслы рассматриваются в статье с точки зрения когнитивного потенциала корня предельно широкой семантики (общ-). На примере анализа законодательных, публицистических текстов XVIII — начала XIX в. выявляются лингвистические механизмы перехода от одного «типа общности» к другому, предлагается операциональная терминология, на основании которой выводятся два правила изменения значения слова *общество*, применяется метод составления «семантической карты» (противопоставленный традиционному лексикографическому представлению значения слова).

Ключевые слова: историческая семантика, Begriffsgeschichte, концепт, языковые изменения, когнитивные модели, общество

Темпоральная структура

История социально-политического понятия *общество* неоднократно становилась предметом исследований¹. Однако большинство работ имеют целью описать внеязыковую реальность, стоящую за этим термином политического словаря, либо проследить историю его формирования в связи с событийной историей и т. д. В одной из первых работ, посвященных политической терминологии русского языка, политолог М. В. Ильин сформулировал позицию, которая, судя по всему, оказалась доминирующей на несколько десятилетий вперед: «Можно описать изменение значений и смысла выражения *гражданское общество*... посмотреть, ког-

© Дуринова Г. В., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

1. См., например: Веселитский, 1964, 1968; Жданова, 1997; Тимофеев, 2011; Миллер, Сдвижков, Ширле, 2012; см. также: Ильин, 1997; Хархордин, 2011.

да оно появилось... как эти зачатки... концептуализировались. [В таком] случае получилось бы... лингвистическое исследование, которое... скорее бы затемнило, чем прояснило природу... современного гражданского общества» (Ильин, 1997: 160). Подобную позицию определяет представление о том, что понятие существует вне языкового воплощения, а некоторое «случайное» слово с течением времени все больше «насыщается» этим понятием, пока не сольется с ним в единое целое (как *boeuf* в известном рассуждении Э. Бенвениста²). Этот «вечный» вопрос лексической семантики не может быть решен однозначно, однако только согласившись, что понятие не существует вне словесного воплощения, можно сделать возможным исследование собственно языкового значения слова. В противном случае, конечно, языковые данные лишь осложняют поиск универсального политического вокабуляра, как бы он ни назывался — *koinonia politike*, *societas civilis*, *société civile*, *civil society* и т. д. Между тем в широко известном сегодня тезисе основоположника *Begriffsgeschichte* Р. Козеллека утверждается, что «как только „*societas civilis*“ переводится как „*civil society*“ или „*société civile*“, коренным образом меняется первоначальное значение понятия» (Козеллек, 2010: 25).

Несмотря на то, что «отличительной характеристикой (немецкого направления истории понятий. — Г. Д.) с самого начала оказывается внимание к слову как таковому, к историко-филологической составляющей анализа интеллектуальных процессов» (Живов, 2009: 5), сам лингвистический процесс находится на периферии исследований *Begriffsgeschichte*. В основополагающем для этого направления труде — «Словаре основных исторических понятий»³ — задача сформулирована следующим образом: «Рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий» (Козеллек, 2014: 24). Одновременно во «Введении» к словарю специально оговаривается, что в исследовании «не планировалось создание обновленной лингвистически политической семантики» (Там же: 25). Эти два замечания существенны для понимания того, что «лингвистический поворот» (*linguistic turn*) в гуманитарных науках второй половины XX в.⁴ — это поворот в сторону языка, но не лингвистики.

С самого начала центральное для Козеллека разграничение «понятий» и «простых слов»⁵ было подвергнуто критике со стороны лингвистов⁶. Спор о некорректности такого противопоставления⁷, как представляется, достаточно бессмыслен в силу того, что ведется с позиций различных областей науки, имеющих свой, отдельный предмет исследования (историческая реальность/язык). Однако точка пересечения интересов сформулированной Козеллеком концепции исторического

2. См.: Benveniste, 1966: 51. Русскоязычное издание: Бенвенист, 1974.

3. Brunner, Conze, Koselleck, 1972–1993. Русскоязычное издание избранных статей словаря: Зарецкий, Левинсон, Ширле, 2014.

4. См. о нем, в частности: Копосов, 2001: 284–295.

5. См.: Козеллек, 2006, 2014; Koselleck, 1997, 2002, 2004.

6. См., например: Lehmann, Richter, 1996; Nadeau, 2005.

7. См.: Lynne Murphy, Piazza, 2011.

времени и лингвистической науки все же имеется. Речь идет о том, что Козеллек обозначил как «темпоральная структура понятия»⁸. При очевидно большой значимости этого термина (Козеллек неизменно возвращается к нему в монографиях разного времени) непосредственная его роль в конкретных анализах исторических концептов, насколько можно судить⁹, весьма ограничена, и понятие темпоральной структуры остается загадочным. И тем не менее важно не сводить это понятие к своего рода метафорической номинации модели линейного времени.

Козеллек различает событийное время (time of events), которое не входит в противоречие с линейным представлением, и то, собственно историческое время, которое не совпадает с хронологическим. Это специфическое временное измерение присуще «структурам долгой длительности» (long-term structures): «Все события основываются на предзаданных структурах, ставших частью связанных с ними событий, но существовавших до этих событий — в смысле, отличном от хронологического следования»¹⁰ (Koselleck, 2002: 124). Однако это не означает, что «событийное время» может быть объяснено через отсылку к названным «структурам». «Я имею в виду, — разъясняет далее Козеллек, — что события никогда не могут быть исчерпывающе объяснены умозрительными структурами, как и структуры не могут быть объяснены только событиями. Здесь имеет место эпистемологическая апория между этими двумя уровнями: ничто невозможно полностью перевести с одного уровня на другой»¹¹ (Там же: 125).

Итак, история измеряется событиями, события же представляют собой микро-структуры, опирающиеся на хронологию (before- and after-structures). Эти микро-структуры, однако, не существуют отдельно от глубинных «структур долгой длительности» и представляют собой частные варианты их реализации. «Структуры долгой длительности» измеряются не хронологическим, а иным временем, которым, по Козеллеку, и является собственно историческое время, дающее понимание исторических событий и позволяющих прогнозировать их структурные черты (см.: Koselleck, 2004).

Сущность этих темпоральных структур (структур, содержащих в себе историческое время) Козеллек описывает в «двух категориях истории», которые он называет «область опыта» и «горизонт ожидания». Козеллек подробно объясняет оба термина, подчеркивая, что в отношении «опыта» речь идет именно о «пространстве», а в отношении «ожидания» — о «горизонте», но не наоборот.

---

8. Вопрос о возможности осмысления этого термина в отношении лингвистической теории концептов был поднят в докладе О.Г. Ревзиной «Темпоральная структура концепта» (Институт языкознания РАН, февраль 2013 г.). См.: Ревзина, 2013.

9. По русскому изданию «Словаря основных исторических понятий».

10. «All events are based on preexistent structures that become a part of the events concerned, but that existed before the events in a different way from the chronological sense of the before». Здесь и далее перевод мой.

11. «My proposition would be that events can never be fully explained by assumed structures, just structures cannot only be explained by events. There is an epistemological aporia involving the two levels so that one can never entirely deduce one thing from another».

Вот что пишет Козеллек об этой терминологии: «Время, как известно, осмысляется в пространственных метафорах, однако... присутствие прошлого отлично от присутствия будущего. Имеет смысл сказать, что опыт, основанный на прошлом, представляет собой некую область, где множество временных слоев присутствуют одновременно, вне хронологического распределения»¹² (Koselleck, 2004: 259). Прошлое, таким образом, это некая оконтуренная сущность, обладающая «временными слоями» и присутствующая в настоящем как повторенный и воспроизводимый опыт, который, как говорит Козеллек, «пропитан реальностью» (is drenched with reality).

Совсем иначе обстоит дело с «горизонтом ожидания». «Горизонт предстает как линия, за которой будет открыта новая область опыта, остающаяся пока что невидимой. Степень определенности будущего, несмотря на возможность прогнозирования, сталкивается с абсолютным пределом, поскольку [будущее] не может быть постигнуто эмпирически»¹³ (Koselleck, 2004: 260–261).

Такое представление о времени, характеризующем историческую событийность, обладает большим объяснительным потенциалом, что и находит применение в конкретных анализах, посвященных формированию «гражданского общества» во Франции, Англии и Германии, истории понятия «прогресса» и «Нового времени», определивших качественно новое отношение к истории. (см.: Koselleck, 2002, 2004). Единицами этого анализа являются «базовые исторические понятия», которые и представляют собой темпоральные структуры, обладающие «пространством опыта» и «горизонтом ожидания».

Историческая семантика

В этой логике рассуждения Козеллека опознаются исконно присущие языкознанию вопросы о содержании и причинах языковых изменений: «Изменчивость языка выступает всегда как его неоспоримое и весьма очевидное свойство. Его природа, однако, далеко не очевидна» (Кубрякова, 1970: 197). Козеллек пишет об историческом времени, однако лингвистическая событийность¹⁴ (языковая динамика) ставит перед лингвистом вопросы, аналогичные тем, какими задается историк: что такое событие (в данном случае событие лингвистическое), как происходит движение от прошлого к будущему и в какой степени оно прогнозируемо и т. д. «Язык, — пишет Э. Сепир, — движется во времени по своему собственному

---

12. «Time, as it is known, can only be expressed in spatial metaphors, but... the presence of the past is distinct from the presence of the future. It makes sense to say that experience based on the past is spatial since it is assembled into a totality, within which many layers of earlier times are simultaneously present, without, however, providing any indication of the before and after».

13. «The horizon is that line behind which a new space of experience will open, but which cannot yet be seen. The legibility of the future, despite possible prognoses confronts an absolute limit, for it cannot be experienced».

14. Ср. понятие «*événement linguistique*» (лингвистическое событие) Ж. Гийому. См.: Гийому, 2010; Guillaumou, 2006.

течению. Язык дрейфует. Если бы даже не было распада языка на диалекты, если бы каждый язык продолжал существовать как прочное самодовлеющее целое, он все же постоянно удалялся бы от какой-то определенной нормы... и постепенно превращаясь в язык, столь отличный от своей первоначальной сущности, что становился бы в действительности новым языком» (Сепир, 1993: 140). Изменения, происходящие в языке на уровне частных, индивидуальных отклонений от нормы, имеющих место в повседневной языковой практике, — явление неоспоримое, значимость которого, однако, не следует преувеличивать. Из понимания роли этих частных сдвигов «нисколько не следует, будто дрейф языка в целом может быть понят в результате исчерпывающего научного описания одних лишь индивидуальных вариаций речи, которые сами по себе — явления случайные, подобно волнам морским, ходящим взад и вперед в бесцельном движении. У языкового дрейфа есть свое направление. <...> Направление это может быть... выведено из прошлой истории языка» (Там же: 144). Можно с легкостью провести аналогию с микроструктурами (относящимися к хронологии) и long-term structures, о которых пишет Козеллек. Само же представление о темпоральной структуре (обозначаемой «областью опыта» и «горизонтом ожидания») также глубоко укоренено в мышлении о языковых изменениях: «...в нашем языке всегда есть какой-то „уклон“, изменения, которые должны произойти в языке в ближайшие столетия, в некотором смысле уже превосходящая в иных неясных тенденциях настоящего и... при окончательном осуществлении их они окажутся лишь продолжением тех изменений, которые уже совершились ранее» (Там же).

Новый (и судя по всему, нераскрытый) потенциал концепции Козеллека для лингвиста заключается в идее, что «основные исторические понятия», обладая темпоральной структурой, являются не только индикатором, но и фактором исторических событий¹⁵. Разумеется, понимание того, что «процесс созидания языка не исчерпывается его ответной перестройкой в связи с... прогрессом общества» (Кубрякова, 1970: 197), не является новым. Но в качестве альтернативы этой «ответной перестройке» языка («внешний» фактор) каждый раз называются такие («внутренние») факторы, как «усовершенствование языковой техники», «устранение противоречий в организации конкретных языков» (Там же) и др. Эти внутренние факторы изменений определяются так называемыми языковыми антиномиями — имманентными противоречиями в языке, создаваемыми оппозициями говорящего-слушающего, узуса-системы, кода-текста, асимметрии плана выражения и плана содержания, информационной и экспрессивной функций языка (Панов, 2007: 18–21). При всей неоспоримости реального действия этих факторов нельзя не признать, что они покрывают лишь малую часть «языкового дрейфа» — в основном связанную с фонетическим и морфологическим уровнями и почти совершенно не проливают свет на область семасиологических явлений (формирование языковых значений), о которых М. М. Покровский писал как о «более сложных

---

15. См.: Бёдекер, 2010.

(нежели эмпирически воспринимаемые фонетические изменения. — Г. Д.) и более субъективных явлениях в жизни каждого языка» (Покровский, 1959: 67). «Эти явления чрезвычайно сложны и, с первого взгляда, прихотливы, — отмечает Покровский. — Прежде всего нас иногда может поражать та масса значений, которую приобретают отдельные слова» (Там же: 73). Спектр значений, вырабатываемых словами с корнем *-общ-*, именно поражает и ставит перед вопросом: какие формы общего фиксируются в языке и создаются в нем?

Истоки «общности»: этимология и слова с корнем *-общ-* в языке XI–XVII вв. (по данным словарей)

Именно так ставится вопрос в обширной работе Д. Калугина: цель — «описать те формы „общего“, которые схватываются в языке и существуют на уровне практического словоупотребления» (Калугин, 2011: 307).

Для древнерусского периода называются следующие типы «общности»:

1) «мистическая „общность“, создающаяся через приобщение к Иисусу Христу... все исповедующие христианскую веру составляют „общность католической церкви“» — *koinonia tes katholikes ekklesias* (Там же: 308);

2) «набор практик „общения“, при помощи которых нейтрализуются социальные различия» (обще ти буди с ним хлеб твой) (Там же: 309);

3) в устойчивых сочетаниях: *общий владыка, общий враг, общая вера*;

4) «общность с исповедующими веру предполагает не-общность с нарушителями христовых заповедей» (Там же: 311).

Калугин отмечает, что «слова на „общ“ существуют главным образом в переводной литературе» (Там же: 313) — речь идет, например, о кормчих книгах — тогда как «светские контексты связаны с политической жизнью: постановления князя, дипломатическая практика, имущественные отношения, правовые механизмы (Там же: 312). При этом религиозный дискурс становится донором для формируемого политического дискурса: «Политическое противостояние мыслится через антитезу, заимствованную из религиозных текстов, — „общий бог“ vs „общий враг“» (Там же: 315). Нельзя не согласиться с этим прозрачным выводом, однако в соответствии с поставленной задачей — охватить формы общности, представленные в языке, — больший интерес представляет не механизм антитезы, а метафорическая номинация. В приводимом примере *Не дай Бог на поганые езда, ся отреци: поганы есть всим нам обьчий ворог* (Там же: 314–315) устойчивое сочетание *обьчий ворог* (связанное с эвфемистическим приемом неназывания имени дьявола) как номинативная единица метафорически переносится на «поганых», которые концептуализуются как темная сила, нечисть. «Заимствованием» выражения из религиозного дискурса этот пример не исчерпывается. Важным представляется как раз то, что меняется в ходе этого переноса. В христианском мире «общий враг» — это враг всех христиан, т. е. содержание слова *общий* представляет собой константную единицу, не требующую толкования и не являющуюся ситуативно обусловленной.

Как только «общий враг» перестает означать исключительно дьявола, а трактуется исходя из ситуации — номинация *общий* приобретает предикативную функцию, называя качество, свойство общности-связи участников данной ситуации, происходит переход от вневременного к ситуативному, от неизменного — к варьирующемуся.

Более того — именно в этой «предрасположенности» семантики корня *-общ-* проявляться на временной оси или оставаться атемпоральной, судя по всему, и заложена чрезвычайная подвижность и неустойчивость вырабатываемых языком типов «общности», его высокая степень смысловой продуктивности. Это наблюдение косвенно подтверждается данными этимологии, точнее, вариантами ее толкования.

Старославянское *объитѣство* восходит к праславянской основе *obъtъ (Фасмер, 2003, III: 110), истолковываемой исходя из семантики предлога-приставки *o(b)-*: «то, что вокруг» (там же), «распространенный вокруг, окрестный» (Черных, 2004: 589). Если усматривать в качестве основы *obi («вокруг», ср. диалектн. *облый* — круглый), то слово можно толковать как «круглая деревня», «принадлежащий круглой деревне», ее «поселению» (Цыганенко, 1989: 269). Возможно и другое членение: *ob-ъ-ti-tj-o, где *ob* — приставка, *ti* — глагольный показатель, а корень — **ъ < i < e i* (тот же, что и в глаголе *идти*). Поэтому значение может быть сформулировано как «то, что обошли вокруг» (Там же).

Разница между этими интерпретациями в наличии (вторая трактовка) или отсутствии (первая трактовка) в толковании временного параметра. При этом толкование, акцентирующее идею перемещения в пространстве (ср. многозначность приставки-предлога *ob-* (Фасмер, 2003, III: 96)), представляется более точным, учитывая роль пространственных аналогий в концептуализации идеи времени в языке.

В древнерусский период (XI–XV вв.) общество входит в обширное словообразовательное гнездо, представленное разными частями речи. Глагол: *общатися, общитися, общевати, общеватися, общетворити*. Прилагательное: *общии (общии), общьньи, общепользьньи*. Наречие: *объче (общче), общиньне, общьне, общьно* (из кр.ф. ср.р. прил.). Большая часть дериватов приходится на имя существительное. Здесь можно выделять номинации человека — *общеживьц, общежитель, общеначальникъ, общникъ, общница, общехранильница, общетрапезьнъ*, действия — *общение, общание, общевание*, качества, признака — *община, общежитие, общепользье*. Ср.: *что бо общины земли к небеси*. Слово *общьство* имеет значительно меньшее число контекстов и, судя по всему, синонимично слову *община*, обозначая связь, отношение к чему-либо (*и общества ихъ не втлучиса, и так быти обществу божью к нам*).

На основе примеров (Срезневский, 1911; СДРЯ XI–XIV, 1988–2004) можно выделять следующие значения корня *-общ-*:

1) соединение через участие в одной ситуации (*не обѣщникъ боуди трапезеть ихъ; обѣщникъ есть нечѣтивымъ, грѣхоу мѣлчаниемъ обѣщники бывають, земля наша, а животине ходити отче*);

2) метонимия часть—целое (*обѣщница твоѣа и жена завѣта твоего, позна святого духа, обѣщующу отцу и сыну*);

3) соединение через наличие общего объекта, признака (*обѣщанаго въстѣхъ врага; хлѣбъ обѣщеваныи*);

4) отношение «человек + человек» (*въ царствии обѣщника приать брата своего, обѣщникъ же другъ друга будевъ, странника любите и своѣи трапезеть обѣщника и створи*);

5) через говорение (*ему же и обѣщевавъса въстѣхъ; обѣщающихъса ѿ молящихъса съ крѣткы*).

Во всех выделенных типах представлена узуальная (атемпоральная) семантика. Привнесение временного компонента может быть связано с осмыслением длительности процесса: *Съставляется община. Или донде же живи суть общившеи ся, или до време* («Составляется <общий> договор, соединяющий <участников> пожизненно или до определенного момента»).

Однако временная локализованность, судя по всему, проявляется, только когда глагол *обѣщевати* выступает в качестве глагола речи: *Ему же и обѣщевавъса о всех* («доложил, сообщил, сказал»).

Итак, одно возможное направление семантических сдвигов в словах с корнем *-общ-* связано с временным параметром. Другое направление — актуализация идеи состава общности и экспликация отношений, входящих в этот состав. Это может быть конкретное название «участников» (*обще празднованье небесных и земных силъ*) или генерализация (*съставляется общение написаное и ненаписаное межю двема и межю бошими, внегда кождо ею равным*) — универсальные семантические составляющие: а) общность образуется при количестве участников > 1; б) отношения участников — это отношения равенства. Третья возможность (о которой уже шла речь выше) — функция замещения имени (участники — константная единица): *общий учитель, общий судья, общий враг, общее воскресенье*.

Неконкретизация состава общности может сопровождаться представлением общности как нечленимой единицы, противопоставленной другой единице. Это оппозиция «свой — чужой»: *Аще братья общенья ради насле(д)я ро(д)тель не разделять не творять въ общия же от вънешнихъ притязаша* («Если братья ради общины откажутся <в миру> от наследства родительского, общине не иметь на него притязаний, не нужно делать общим то, что приходит извне»). Понятие «круга своих» Ильин называет одной из основных «когнитивных схем», входящих в смысловую структуру слова *общества*. Выделяются следующие когнитивные схемы (Ильин, 1997: 144):

*язык, речь, слово
связь, соединение*

*общение-обмен
движение вместе, следование и наследование
свои, наши
все вместе*

Представляется более точным считать, что названное — проявление одной когнитивной схемы (если под ней понимать буквально образ мыслительного начертания) — схемы круга. Выделение в круг тех, кто говорит на одном языке, находится в одном месте и т. д., — смысловые траектории, «заполняющие» этот круг. Схема круга подразумевает наличие точки зрения, с которой осуществляется выделение «круга», иначе говоря, здесь потенциально присутствует позиция наблюдателя, которая может быть актуализована. Для XV века словарями фиксируется прилагательное *общейший* («самый общий, главный») (СРЯ XI–XVII, 1975–2006: 193). Превосходную степень можно толковать через понятие множества: «относящийся к возможно большому числу людей», это круг, охватывающий максимально большее количество людей, то есть максимально большой круг. Эта форма (*общейший*) явственно указывает на субъектно-объектную структуру: кто очерчивает круг и то, что подвергается очерчиванию. Не случайно Н. Копосов пишет о «возникновении общества из логики пространства»: «Первым когнитивным носителем идеи общества выступало не слово, но образ подлежащего эмпирическому упорядочению множества» (Копосов, 2001: 142).

Структура «представления» и способы ее трансформации

Наблюдая подобную когнитивную (мыслительную) структуру значения слова, нельзя не вспомнить о глубоком и точном наблюдении А. А. Потебни: «Знак в слове есть замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением» (Потебня, 1958: 18). Представление — это «основание сравнения в слове» (Там же: 19), оно «составляет стихию *возникающего слова*» (Там же). Не все слова обладают представлениями — у слова «рыба», пишет А. А. Потебня, «значение имеет только звук» (Там же).

Структура представления может быть полной или неполной. Вышеописанное слово обладает неполной структурой представления (субъектно-объектные позиции не актуализированы). Полная структура имеет место, когда позиция наблюдателя заполнена или не требует заполнения. В первом случае речь идет о сложных словах, одной из частей которых являются глагольные лексемы (деепричастия): *Спась бо нашъ... иже тържъникомъ срѣбро расъта и цркъвь общетворлца изгъна* (XII в.). «Общетворить церковь» — обращать церковь в место не только для сакрального, но и для «всего вообще», «всего остального». Глагол *творити* имеет валентность на субъект действия, которая заполняется контекстуально — субстантивация *общетворящие* (кто).

Второй тип (полной структуры представления) — также сложные слова, имеющие в своей структуре лексему, обозначающую действие, но субъект действия является константным и поэтому не требует названия: *общедательный долг* («данный Богом»).

Слово общество обладает неполной структурой представления. Она может контекстуально достраиваться до полной через инклюзивность: *И так быти обществу божью к нам* (XIV в.) — «в круг, очерчиваемый Богом, входим и мы, приобщаемся к его миру». Или через «третьеличность», то есть когда «круг общества» — это «они», на которых указываю «я»: *Съгрьшитъ к тобѣ брат твои иди обличи его... и обещства ихъ не отлучиса* (XIV в.). Этот второй способ делает возможным переход от «общество кого» к «общество»: *Сия же писахъ къ высоте крѣпкаго и чествемаго царствія твоего, надѣявѣся въ милость его и в дарованную ему от бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ съвѣтовати, что полезно обществу и времени пристоящее* (XVI в.) (СРЯ XI–XVII, 1975–2006: 194). Этот пример показывает метонимический перенос часть—целое «общество людей» — «общество», что делает возможным позицию актанта (ср.: «общество считает полезным»).

Таким образом, динамика семантических преобразований заложена в неполных представлениях. Это легко увидеть, если расположить выделенные параметры в виде таблицы, отмечая характерность (+) или нехарактерность (–) того или иного признака двум видам представлений слова *общество*.

Таблица 1

Представление Хар-ки сем. структуры	Представление	
	полное	неполное
состав	+	–
временная локализованность	–	–
инклюзивность	–	+
третьеличность	–	+
семантический субъект действия	–	+

При этом современные употребления типа «общество имеет право законодательного ограничивать экономические и гражданские свободы» (НКРЯ) развиваются из неполных представлений, достроенных до полных через третьеличность:

Таблица 2

полное	неполное представление	
	инклюзивность	третьеличность
		семантический субъект действия

Трансформация представления на словообразовательном уровне

Это направление семантического развития (неполное представление–третьеличность) обнаруживает свою продуктивность и через словообразование. Входящее в частое употребление в последней трети XVIII в. слово *сообщество*¹⁶ — это, судя по всему, неполное представление слова *общество*, достроенное до полного через третьеличность — иными словами, отличие *сообщества* от *общества* в отстраненной позиции наблюдателя («они»), тогда как *общество* может приобретать и включенную точку зрения (инклюзивность, «мы»). Это, впрочем, только гипотеза, объясняющая, однако, употребление этих двух слов одним автором в одном относительно небольшом по объему фрагменте текста и, таким образом, осуществляющим выбор между этими словами. Ср. в одном письме из «Почты духов» И. А. Крылова:

1) «Человек, живущий в свете, против воле своей познает их (людей) пороки. И самые те, которые, будучи удалены от *их сообщества*, не перестают ощущать ее действий».

2) «Плутарез кормил всех очень обильно; веселие в *обществе нашем* умножалось».

3) «Что ж делать, такое здесь заведено обхождение; притворство почитается теснейшим узлом всех здешних *сообществ*».

4) «С сожалением вижу, что поверхность обитаемого земного шара удручается множеством таких людей, коих бытие как для них самих, так и для *общества* совершенно бесполезно».

Примеры 1 и 3 явственно указывают на третьеличность, что подчеркивается лексически («их») и содержательно («здешних» — то есть сам говорящий не принадлежит этому миру). В примере 2, напротив, слово *общество* достроено до полноты представления через инклюзивность («наше»), а в примере 4 — через третьеличность (теоретически могло быть заменено словом *сообщество*¹⁷).

По отношению к слову *общество* справедлива характеристика немецкого *Gesellschaft*:

«Означает это слово в общем случае некую созданную речью (языком) и действием связь между людьми, совокупность... совместно действующих индивидов, и одновременно — состояние связанности, сами узы... Таким образом, слово это заключает в себе сразу два смысла: воплощение актуально-социальной деятельности и социальную схему деятельности (примеры: семья, государство, предприятие, школа), которая исторически актуализируется в институтах, объединениях и так далее» (Ридель, 2014: 221).

16. К периоду последней трети XVIII в. относятся большое количество префиксальных образований: *приобщение, приобщникъ, сприобщать, сообщать(ся), сообщительный, сообщество, сообщник, сообщнический, сообщный* (САР, 1789–1794: 602–606).

17. Предпочтение слова *общество* как менее определенного и, соответственно, вбирающего в себя наибольшее количество «ситуаций» больше отвечает контексту — речь идет о совместной жизни людей на Земле, без конкретизации — каких групп людей, где именно и т. д.

Социально-политическое значение слова *общество*

Выше было показано, что слова с корнем *-общ-* обладают представлением (в терминологии А. А. Потебни), которое может быть полным (заявлена позиция наблюдателя) или неполным. Слово *общество* характеризуется неполным представлением, и этим определяется динамический потенциал его семантики — большинство выделенных в таблице 1 характеристик получают положительную маркировку (+). Преодоление неполной структуры представления происходит через инклюзивность («я» внутри схемы круга «общество»), и в этом случае происходит актуализация состава общества. Другой способ достраивания до полноты структуры представления — реализация позиции наблюдателя через третьеличность («я» вне схемы круга «общество»). Актуализации состава при этом не происходит (по этому признаку неполнота не преодолевается), однако слово получает возможность занимать позицию актора пропозиции — т. е. приходит к современному типу употреблений (*общество* + Praed.) Как полному, так и неполному представлению присуща временная нелокализованность (таблица 1). Это означает, что каждый вновь очерченный круг «общности» мыслится как неизменный во времени (изменения приводят к очерчиванию иного, нового круга).

Итак:

Правило 1. Семантическая динамика слова общество состоит в тенденции преодоления неполноты представления посредством третьеличности, при этом актуализации состава общности не происходит, а свойство временной нелокализованности остается неизменным.

Здесь мы сталкиваемся со специфическим характером отношений множества и тождества, представленных в исследуемом слове. Поскольку даже с преодолением неполноты структуры представления актуализации состава общности не происходит, множество, составляющее его, не поддается определению, а временная нелокализованность не позволяет произвести акт референции, состоящий в установлении тождества между «именем» и «вещью». Вероятно, именно на это явление и указывал Козеллек, настаивая на принципиальном различии «понятий» и «простых слов». Историк Н. Копосов, комментируя это положение Козеллека, говорит о «логическом своеобразии основных исторических понятий» (Копосов, 2005: 58) и соглашается в том, что «в исторических понятиях деформируется нормальная семантическая структура, основанная на лингвистической триаде, различающей слова, понятия и вещи» (Там же: 56). Филолог Б. Маслов считает, впрочем, что «специфика функционирования именно социально-политических понятий остается... недоказанной гипотезой» (Маслов, 2012: 345). Недоказанность (и, возможно, недоказуемость) этой гипотезы, как представляется, обусловлена тем, что вопрос выходит за пределы лингвистической науки и формулируется в философском ключе: «Мы должны помыслить множество, которое не является одним в принятом смысле слова, но которое мы размечаем как одно и которое не является

множеством в том смысле, что мы в действительности... не можем пересчитать то, что оно «содержит» (Касториadis, 2003: 422).

Так становятся возможны конструкции, характерные для публицистики второй половины XVIII в.: *Третий чин — душа общества, ослабление общества, страждущее общество, мысли общества, себе и обществу, служу обществу* и т. п.

Дж. Лакофф раскрывает механизм функционирования подобных конструкций исходя из понятия «великой цепи бытия» — иерархической структуры понятий, где каждый следующий уровень концептуализуется в терминах предыдущего (так, человеческие свойства могут быть описаны через метафоры, связанные с животным миром). Над уровнем «человек» надстраиваются следующие два: уровень общества, уровень Вселенной. Ср., например *общество* в конструкции: *Закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ* (1819 г.). «Мы говорим о „справедливом обществе“, „миролюбивой нации“ и „злой империи“, как если бы им были присущи человеческие качества»¹⁸ (Lakoff, 1989: 204). Уровень ‘человек’ выступает как область-донор (source domain) для концептуализации сущности «общества»: как и у человека, у общества есть «душа», как человек, оно может «мыслить», «ослабевать», «страдать» и т. д. Кроме того, ему можно «служить», можно противопоставлять «себя» и «общество» — как отличного от себя человеческого существа. «И от того, как мы представляем себе их (общества, нации, государства. — Г. Д.) поведение, — пишет далее Лакофф, — зависит то, какие черты мы будем им приписывать. Мы можем понимать их в терминах форм жизни, присущих предыдущим звеньям Великой цепи бытия»¹⁹ (Там же). Из этого следует чрезвычайно важное свойство этого уровня: «Метафора Великой цепи бытия не столько служит для характеристики уровней, сколько *создает* их»²⁰ (Там же). Это означает, что слово *общество* не *приобретает* социально-политическое значение, а *вырабатывает* его — через репрезентации своих смыслов в языке. Это происходит по сформулированному правилу (см. правило 1).

Общество в толковых словарях XVIII–XIX вв.

Как справедливо отмечает Козеллек, словари отражают «долговечную» семантику (Козеллек, 2010: 32), иначе говоря — семантику накопленную — поэтому информация в толковом словаре всегда обращена «вспять» и предоставляет сведения о предшествующем (относительно дате проявления словаря) периоде.

18. «We speak about a „just society“, a „peace-loving nation“, and the „evil empire“, as if they had the equivalent of human character attributes».

19. «And how we understand them as behaving, — пишет далее Дж. Лакофф, — depends upon what traits we see them as having. We can understand them in terms of lower-order forms of being via the GREAT CHAIN METAPHOR».

20. «The GREAT CHAIN METAPHOR operates not merely to characterize the nature of these levels but in fact to create them».

В первом издании Словаря Академии Российской (1789–1794) первое значение слова *общество* — «народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий» (САР, 1789–1794: 601). Формулировка как будто бы эксплицирует социально-политическую семантику слова, однако наряду с употреблением типа «жить в обществе», «человек рожден для общества, «человек обязан быть полезным обществу» присутствует и наречное значение: «обществом защищаться от неприятелей» (Там же). Этот пример говорит о том, что переход к социально-политической семантике еще только потенциально возможен. Другая возможность спецификации значения — сословная и профессиональная конкретизация, что и отразилось во втором значении слова *общество*: «сословие людей, собрание многих лиц, имеющих в виду одинаковое намерение и тот же предмет» (Там же). Ср. такие примеры: общество ученых мужей, купеческое общество, общество промышленников (Там же).

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) второе значение дословно воспроизводится, а в первое вносятся существенные изменения. *Общество* — это «собрание людей, живущих под одними правилами, или законами» (СЦСРЯ, 1847: 79). Здесь слово *народ*, несущее в себе этнический компонент и тем самым имплицитно называющее критерий «общности», заменяется нейтральным *люди*, и, таким образом, основания объединения в «общество» — это *законы*, или *правила*. Устранено пояснение «купно живущий», т. е. элиминирован параметр «состав», «общество» представляется как целостная единица, как «множество, размеченное как одно», по выражению К. Касториадиса.

То, что «вырабатывание» значения, выступающего в роли социально-политического, нелинейный и градуальный процесс, можно видеть на примере более поздней дефиниции, относящейся ко второй половине XIX в. — в словаре И. Даля (1866). *Общество* — «это собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями» (Даль, 1866: 1626). Здесь происходит характерное для семантики корня *-общ-* расширение круга — критерии составления общества не являются строго установленными (*законами* и *правилами*), напротив, эти критерии составляет то, что в наибольшей степени подвержено динамике, — отношения между людьми. В этой же дефиниции далее происходит спецификация понятия — как мы уже видели, это может происходить за счет актуализации состава общности. Так, *гражданское общество* составляют «граждане одного государства», но одновременно и «граждане одной местности», «все невоенное». В зависимости от «состава» очерчиваются различные круги «общество»: «дворянское, купеческое общества составляют части гражданского общества» (Там же). Наряду с профессиональной конкретизацией (*общество портных, сапожников*) сословная номинация «крестьянское общество» терминологизируется: «собрание всех домохозяев, кому на миру, на сходке дано право голоса» (Там же).

Однако интересным представляется как раз вопрос о том, как и почему слово *общество* сначала становится принадлежностью «языка оппозиции» (Павел I в 1797 году запрещает употребление этого слова как революционного), а затем ста-

новится неотъемлемым понятием политического словаря (например, в проектах декабристов).

Общество в конституционных проектах и переводах первой трети XVIII века

На первый взгляд кажется очевидным тот посыл, что понятие об обществе формируется в ситуации противостояния (отдельных личностей или дворянских группировок) самодержавию. Власть реагирует запретом оппозиции — т. е. запретом самого слова. Историки выделяют два значимых периода в этом противостоянии на протяжении XVIII века: послепетровское междуцарствие, завершившееся воцарением Анны Иоанновны на «кондициях» — пунктах, ограничивающих ее власть (1730); и екатерининский период — труды М. М. Щербатова, политические проекты Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина. Необходимо подчеркнуть, что при такой фокусировке исследовательской оптики вопрос об истории слова и понятия *общество* не стоит. Здесь речь идет о степени реализации амбиций конкретных лиц (Д. М. Голицына, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и др.) в отношении политического устройства России. Исторический подход объясняет, почему Павел I запретил оппозицию, но не проливает свет на вопрос о том, почему в этой истории оказалось «замешано» именно слово *общество*.

Анализу непосредственно текстов дворянских проектов 1730 года посвящено относительно мало исследований. Один из самых подробных текстологических анализов принадлежит историку Г. И. Протасову. Восстанавливая в деталях последовательность создания конкретных документов и сравнивая их содержание, исследователь резюмирует: «В дворянских проектах „общество“ фигурирует как орган государственной власти с определенными функциями как одно из важнейших нововведений в проектировавшейся форме правления» (Протасов, 1971: 68). Такой вывод для лингвиста не может не показаться поспешным: представляя историю этого слова и свойственную ему в первой половине XVIII в. сочетаемость (изолированная позиция без зависимых слов — явление еще достаточно редкое, тогда как преобладает наречная функция), трудно поверить, что слово неожиданно до такой степени «эмансипировалось» и стало именем государственного института. Однако особая роль этого слова в «дворянских проектах» очевидна. Следует лишь отнестись более критично к конкретным употреблениям этого слова.

В таблице в сокращенном виде представлены тексты трех основных проектов²¹.

---

21. Тексты приведены по изданию: Кашпиров, 1871. В современном издании см. книгу: Курукин, Плотников, 2010.

Таблица 3

Первый проект	<p>Сего Февраля 7 дня, при собрании в Верховном Тайном Совете военного и статского генералитета, по прочтении присланных от Ея Величества Государыни Императрицы за подписанием Ея пунктов объявлено, от Верховного Тайного Совета: ежели кто что может изобрести к лучшей пользе государству и обществу не для собственных интересов... посоветовать по совести, предъявили 6; и потому... предъявляем следующее: 1) в начале учредить вышнее правительство в 21 персоне; 2) дабы онаго вышняго суда правительства множеством дел не отягчать, того ради для отправления протчих дел учинить сенат в 11 персонах <...> 5) в важных государственных делах так же, и что потребно будет впредь сочинить в дополнение уставов, принадлежащих к государственному правительству, оные сочинять и утверждать вышнему правительству и сенату, генералитету и шляхетству общим советом <...></p> <p>У сего 330 рук приложено, в том числе <подписи></p>
Второй проект	<p>Сего февраля в (*) день, при собрании Тайнаго Верховнаго Совета, по прочтении присланных от Ея Императорского Величества за подписанием руки Ея Величества пунктов, от Верховнаго Тайнаго Совета объявлено: ежели кто может изобрести к лучшей пользе отечеству объявили бы; и потому объявлению, что могли изобрести по совести, предлагаем следующее: 1) к Верховному Тайному Совету, к настоящим персонам мнится прибавить, чтоб с прежними было 16-ть персон, понеже для важных дел призвано будет общество... 2) а ныне к Верховному Тайному Совету в прибавок и впредь на вакансии выбирать обществом, чтоб было в собрании не меньше ста персон, а именно генералитету военного и статского и шляхетства <...> 5) в коллежские вице-президенты и воеводы и протчие гражданские чины выбирать и балатировать обществом <...> 10) что потребно впредь сочинить в дополнение уставов принадлежащих к государственному правительству, или какие дела касается будут к государству общей пользе, оные сочинить и утверждать верховному правительству и шляхетству общим советом.</p> <p>У сего (25)</p>
Третий проект	<p style="text-align: center;"><i>Ныне обществом сочиняется:</i></p> <p>Сенату быть в 30-ти персонах, Государыне президенствовать и иметь три голоса, а Верховному Тайному Совету не быть.</p> <p>Для дел малейших отлучить с переменою по годно 10 человек, а в государственных делах сообщаться всем.</p> <p><...></p> <p>На убылые места в сенат в члены, и в коллеги в президенты и в губернаторы, выбирать обществом балатированьем; а сенату к выборам не вступаться.</p> <p>Впредь что потребно к исправлению и к пользе государственной явится, сочинить сейму и утвердить обществом.</p>

Поскольку все эти три текста создавались фактически одновременно, справедливо считать, что все представленные в них конструкции со словом *общество* проявляют те из его семантических возможностей, какие оказываются востребованы в этот период. Всего можно выделить четыре типа конструкций:

- a) государство & общество vs отечество
- b) призвано будет общество
- c) выбирать обществом
- d) обществом сочиняется

Для типа (c) синонимичными являются следующие конструкции со словами того же корня: *в делах государственных сообщаться всем, утверждать общим советом*.

В случаях (a) и (b) представление построено через третьеличность («я» вне круга «общество»): не актуализован состав общности, оно выступает как целостная (сплошная) единица. Это проявляется в синтагматических и структурных ха-

рактических. В примере (а) представлена дистрибуция: *общество* появляется в качестве второго компонента в сложной номинации *государство и общество* (первый проект). Во втором проекте изменение предложения — «к лучшей пользе отечеству» снимает необходимость употребления слова *общество* (#к лучшей пользе отечеству и обществу). Слово *отечеству* реализует другую схему, подразумевающую включение «я» в то, что названо этим словом — на это указывает и внутренняя форма (*отец* — эта номинация реализуется в отношении кого-то). Поэтому *общество* (третьеличность, «я» вне схемы круга) в такой конструкции невозможно.

Конструкция из примера (b) — результат диатетического сдвига: семантической роли пациенса соответствует синтаксическая позиция субъекта действия. При этом агенс из ситуации устраняется (ср. прототипическая ситуация: «X призывает общество»), образуя так называемый «безагенсный пассив» (Падучева, 2004: 61). В.А. Плунгян называет такие конструкции «понижающей актантной деривацией», при которой «каузатор утрачивает актантный статус» и «у декаузативной ситуации на одного участника меньше» (Там же). Это одновременно означает и повышение коммуникативного ранга пациенса — «общество» мыслится как нерасчлененное множество, «соборное лицо». Из контекста понятно, что речь идет о призыве чего-то наподобие «исполнительной комиссии», которую, конечно, составляют конкретные люди, но важным оказывается не это, а целостное, «соборное» действие этого объединения.

Диатетический сдвиг имеет место и в примере (d): субъект действия представлен в виде агентивного дополнения (*обществом*). Формально эта конструкция сближается с примером (c), где семантическую валентность следует понимать, скорее, как инструмент: «обществом», т. е. «всем вместе». Действия *выбирать* или *утверждать обществом* возможны, только если каждый «участник общности» произведет названное действие. О том, что в случае (c) речь идет именно о соединении конкретных лиц, а не о действии «соборного лица», косвенно говорит и тот факт, что под каждым проектом стоят подписи конкретных участников такой «общности» («У сего 25»). В примере (d), однако, ситуация не столь однозначна. Если конструкция типа «выбирать обществом» не может быть трансформирована без изменения смысла в конструкцию с прямой диатезой («общество выбирает»), то конструкция «обществом сочиняется» такую трансформацию допускает. Глагол *сочинять* здесь означает «устанавливать, определять, назначать» (СЦРЯ, IV, 1847: 196) и выступает, в сущности, как перформатив («высказывание, эквивалентное действию, поступку» (Арутюнова, 1990)), и поэтому называемое им действие не складывается из суммы действий «участников общности». Соответственно, перформативный акт может быть приписан коллективному лицу. Появление слова *общество* в подобной конструкции в позиции агентивного дополнения — знак того, что смысловой потенциал слова раскрывается в сторону реализации валентности субъекта. «Важнейшая особенность человеческого языка заключается в том, что семантическая и синтаксическая сочетаемость слов в большей степени согла-

сованы. Это значит, что если у лексемы есть партиципant X, то с очень высокой вероятностью у нее будет и синтаксическая валентность X» (Тестелец, 2001: 163). Это замечание может быть «повернуто» и в обратную сторону: заполнение синтаксической валентности X в конструкции с косвенной диатезой фактически делает возможным конструкцию с прямой диатезой, где X занимает синтаксическую позицию субъекта, являясь агенсом соответствующей ситуации. Иначе говоря, от конструкции «обществом решается» до «общество решает» — буквально один шаг.

В конституционных проектах 1730 года слово *общество* с очевидностью «проявило себя» как способное выражать разные оттенки смысла для называния регулирующего механизма власти «рычага» (*государство и общество* — две равнозначные силы). Речь не идет о том, что это слово выражает понятие о социальном (считать так нет никаких оснований), поэтому не следовало бы делать вывод, что в дворянских проектах 1730 года слово *общество* впервые выступает как социально-политический термин. Те структурно-синтаксические сдвиги, о которых шла речь выше, сделали возможным раскрытие потенциала семантики этого слова русского языка. То, что именно оно стало термином социально-политического лексикона, — следствие, в сущности, достаточно непрогнозируемое.

На протяжении всей первой половины XVIII в. для передачи западного понятия об обществе использовались многочисленные фонетические варианты калькирования: *социетас* (1718), *социетет* (1724), *социете* (1728), *сосиетет* (1732), *социетат* (1738), *сосиета* (1747), *сосиете* (1748) (Биржакова, Войнова, Кутина, 1972). Это, с одной стороны, говорит о том, что перевод этого концепта средствами русской лексической системы оказывался невозможным, а с другой стороны, с очевидностью показывает нежизнеспособность этих сменяющих друг друга вариантов. «Приобщение» слова *общество* к социально-политическому понятийному аппарату — результат осмысления его семантики в этом ключе. Здесь высока роль отдельной языковой личности.

Известно, что ведущая роль в составлении «кондиций» принадлежит Д. М. Голицыну. Г. И. Протасовым доказано, что так называемый «проект общества» составляется одновременно с составлением «кондиций» (в отличие от многочисленных последовавших после объявления кондиций «шляхетских проектов»). То есть все эти тексты синхронны относительно языковой ситуации первой трети XVIII века и создаются людьми приблизительно одного языкового сознания (государственные чиновники из дворян). Известно также, что Голицын на протяжении долгого периода своей жизни обдумывал проект ограничения самодержавия, а непосредственно перед событиями января 1730 г. перевел на русский язык Локка (перевод выполнен с фр. варианта «*Du gouvernement civil*») «О гражданском правлении», а также написал предисловие к переводу («Ведомость») ²². Судя по опубликованным в работах исследователей отрывкам из этого текста, не только у слова *общество* не было терминологического значения, но оно выступало лишь как

---

22. См.: Польской, 2002.

один из вариантов перевода *société*. Наличие других слов (*собрание, гражданство*) говорит о необходимости прояснения термина через внутреннюю форму русского слова, что и ощущал переводчик. Ср. следующие варианты:

а) «люди **собрались в одно собрание или общество**, своею волею, ради своей лутчей выгоды... ради того написали себе законы общим согласием»;

б) «иные пишут, что люди **собравшиеся в общество**, своевольно, и ради своей лутчей выгоды и жития покойного...»;

с) «всяк писал по состоянью своей земли, или кто в каком **гражданстве** жил; господин Лок... предлагает о гражданстве свое разсуждение... и показывает начало и основание **гражданства**» (Цит. по.: Польской, 2002).

В случае (а) выбор однокоренных слов (*собрались в собрание*) говорит о необходимости акцентировать внимание на идее добровольного, активного начала (на языке XI–XV вв. можно было бы сказать *общевались в общество*). Одновременно устанавливается синонимическая связь (*собрание или общество*) — идея «общего согласия», очевидно, представляется важной, и она не прочитывается в слове *собрание*. Поэтому в примере (б) — конструкция, соединяющая оба эти элемента (воление, равенство).

В третьем случае (с) понятие общества «подается» через правовую семантику, и здесь ближе оказывается слово *гражданство*. Общество обозначалось словом *гражданство* (в последней трети XVIII века употребляется параллельно слову *общество*, постепенно уступает ему в частотности и уходит к началу XIX века)²³. На этом этапе *гражданство* оказывалось более прозрачным термином для обозначения «общества», под которым понималась совокупность *граждан-подданных*.

Стабилизация ситуации подобной лексической вариативности происходит во второй половине XVIII в. Так, например, в радищевском переводе с французского книги Мабли всем случаям употребления слова *société* соответствует *общество*, покрывающее также контексты с фр. *publique, assemblée, communauté*. При этом рассмотренные выше тексты проектов 1730 года остаются единственными «представителями» — назовем ее — официальной оси политического дискурса. И хотя они составлялись не монархом и никогда не получили легалистского статуса, создавались эти тексты именно с позиций официального, регламентирующего политического начала. В этой связи интересно заметить, что следующий такой этап наступает не раньше первой трети XIX века — вместе с проектом «Русской правды» П. И. Пестеля (1825), тогда как семантические процессы, подготовившие возможность выражения словом *общество* социально-политического понятия, происходили всецело в «неофициальном дискурсе» второй половины XVIII века. В этом плане государственные акты (синхронные во времени «Русской правде»)

---

23. Отдельные замечания об этом см. в: Веселитский, 1968: 38; Тимофеев, 2011: 78–79. Выводы о статистике по материалам НКРЯ. Ср., напр.: «Во всяком первоначальном гражданстве правительство примечается весьма слабым и не имеющим довольных власти к восстановлению благоустройств в обществе...» (Третьяков, 1772).

обнаруживают архаическую терминологическую систему, и слово общество в них не встречается.

***Société* и общество в «Наказе» Екатерины II**

Едва ли не уникальным примером официального государственного документа, в котором широко используется слово общество, является «Наказ» Екатерины II (1762).

«Наказ» — один из самых изученных документов²⁴. Для целей нашего анализа роль этого текста можно сформулировать в виде нескольких пунктов: 1) «Наказ» — политическая программа Екатерины II, отражающая ее видение государственного устройства России; 2) автор «Наказа» — лицо, обладающее высочайшим социальным престижем: это слова не философа (как, например, тексты Монтескье в философско-политическом дискурсе во Франции), но монарха; 3) хотя документ не стал легитимным (это не свод законов), он получил широкое распространение (через публичное зачитывание текста в правительственных учреждениях); 4) при переводе французских социально-политических терминов Екатерина II использовала языковые стратегии, отвечающие ее замыслу (первоначальный черновой вариант текста писался по-французски и состоял из компиляций, в большей степени, текста Монтескье «О духе законов»²⁵).

Как было показано выше, семантика русского слова *общество* предельно широка («общность») и в высшей степени динамична. В словаре языка XVIII века *общество* — это прежде всего «всеобщность», «совокупность» (ср.: *человеческое общество, общество священников*). Именно контексты с этим словом обнаруживают наименьшую степень корреляции между русским и французскими текстами. Показательно, что для русских контекстов характерна неточность перевода или отсутствие соответствующего термина: смысловой спектр русского слова шире и менее специфицирован, чем его французский «аналог».

Французское слово *société* в последней трети XVIII в. — термин, политическая семантика которого зафиксирована в 1762 году даже консервативным Словарем Французской Академии («объединение людей на естественном основании и на основании законов»²⁶). Появление такой смысловой структуры у слова *société* связано не только с экстралингвистическими причинами (прогрессивные политические идеи во Франции), но и в немалой степени с семантикой корня и заключенными в нем смысловыми потенциями. Латинское *sociare* — это идея соединения двух равноправных элементов: «...эти связи присущи отношению между индивидами... — поскольку объединение одного с другим концептуализируется, например, в выражении „*entrer en société avec quelcun*“. Роль отдельного индивида является

24. См., например: Тарановский, 1904; Чечулин, 1907; Омельченко, 1977; Плавинская, 2001; Мадариага, 2002.

25. См.: Чечулин, 1907: СХХIX–СХХV.

26. Цит. по: Будагов, 1940: 170.

решающей также и в происхождении этого соединения: общества — это продукты действия двух независимых индивидов, отношение между которыми симметрично (договор предполагает равноправие сторон) и которые преследуют каждый свои цели»²⁷ (Branca-Rosoff, Guilhaumou, 1998: 151). И очень рано у слова *société* появляется значение «союз равноправных людей для совместного дела»²⁸ (XV век).

Екатерина II переводит определение государства, по Монтескье («la société où il ya des lois»), как «собрание людей, обществом живущих, где есть законы» (ст. 37)²⁹. Здесь слово *общество* не может выступать в роли семантического субъекта действия, тогда как французское *société* — субъект правового и политического курса. Это можно наблюдать в следующем примере. Ср. в русском тексте: «Право давать законы о наказаниях имеет только один законодатель как представляющий во своей особе все общество соединенное». И во французском: «Le droit de faire des Loix pénales ne peut résider que dans le Législateur, comme représentant en sa personne toute la Société» (с. 148). Во французском тексте «законодатель» выступает как «представитель интересов всего общества». В русском тексте он представляет «в своей особе все общество соединенное». Дополнительное слово *соединенное* «выдает» отсутствие социально-политической семантики у слова *общество*, проявляя его значение как «соединение людей», «все люди». По этой же причине в русском тексте может появляться слово *общество*, которого нет во французском тексте. Так, формулировку «сей закон весьма полезен для общества» (с. 180) следует понимать как «полезен всем людям». Во французском тексте валентность адресата остается незаполненной («la loi est utile»), потому что это привело бы к смысловой избыточности: понятие *loi* (закон) неразрывно связано с понятием *société*. Все это приводит к тому, что в русском и французском тексте выражены, в сущности, совершенно противоположные смыслы: по-французски речь идет о соединении людей на основании общего закона, а по-русски — о суверене, выдвигающем закон, исходя из собственных представлений о «полезности» закона для всех подданных.

Когнитивная карта «общество»

Под когнитивной картой подразумевается то, как осмысляется отношение общности в языке и к каким семантическим сферам относит этот смысл язык³⁰. В отличие от процедуры выделения лексических значений, «картирующих» семан-

27. «...les liens... sont constitués sur la base des rapports entre particuliers ce qui s'entend d'abord de leur dimension — puisque l'agrégation d'un individu fait sens comme le montre l'expression «entrer en société avec quelcun». Mais le rôle central de l'individu concerne aussi leur genèse: les sociétés sont le produit de l'action d'individus autonomes dont la relation est symétrique (un contrat suppose deux pôles contractant) et qui cherchent ainsi à réaliser des objectifs individuels».

28. Цит. по: Будагов, 1940: 171.

29. Здесь и далее французский и русский тексты «Наказа» цитируются по изданию: Чечулин, 1907.

30. Первоначально понятие когнитивной карты для анализа семантической структуры поэтического текста было введено О. Г. Ревзиной. См.: Ревзина, 1988. Понятие когнитивной карты используется в работе: Ревзина, 2009.

тическое поле, составление когнитивной карты предполагает выделение механизмов образования тех или иных значений. Перенимая формулировку Р. Якобсона о поэтической функции языка, можно сказать, что цель построения когнитивной карты — описание процесса «проекции принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (Якобсон, 1975: 204): того, что вычленяется языком как смысл (селекция) на формально-грамматические и структурно-синтаксические возможности (комбинация). Формирование (образование) когнитивной карты — процесс не только глобального (*longue durée*), но локального (*courte durée*) характера. Это означает, что названный процесс «проектирования» имеет место как относительно некоего временного промежутка (например, «последняя треть XVIII века»), так и в рамках одного текста одного автора, а также в корпусе текстов одного автора. Рассмотрим этот последний случай на примере публицистических текстов Д. И. Фонвизина. На первом этапе выделяются типы значений слова *общество*, исходя из контекстной интерпретации (эта стратегия представлена в исторических толковых словарях — например, в «Словаре языка XVIII века»).

Таблица 4

Значение	Пример
Дворянское сословие	<p>Сии три класса дворянства составляют один только корпус. Сей знатный корпус волен быть сам в себе, в своих имениях и в делах всякого из своих членов: им не дозволено только разрушать свое общество и поступать худо с своими вассалами</p> <p>Не уступлю в душевном чувствовании всех неисчетных благ, которые изливаются на благородное общество</p>
Народ	<p>Всякая ложь, клонящаяся к ослеплению очей государя и общества</p> <p>Государь есть душа правимого им общества</p> <p>Слово отечество стало душою общества <у греков></p> <p>Я видел, что нет иного блага, кроме того, что полезно обществу и с порядком сообразно; нет иного зла, кроме того, что сему противно</p>
Все человечество	<p>Яко часть целого, Марк Аврелий, должен ты покоряться тому, что есть следствие общего порядка: отсюда рождается твердость в бедствиях и бодрствование... Яко часть общества, должен ты делать все то, что полезно человеку: отсюда истекают должности друга, мужа, отца, гражданина</p>
Профессиональное объединение	<p>... все те, которые приняли намерение составить малое сообщество издавать «Московские сочинения»</p> <p>Если б не проводили мы время в спорах о законе, которые кажутся важнее, то бы купечество было обыкновенным предметом в *сообществах. Я видал ныне и придворных людей, возвышающих преимущества оного</p> <p>Сверх того, общество, издавая сии книги, желает стараться о чистоте русского языка</p> <p>Как всякое общество утверждается на единодушии тех, кои оно составляет, то все пиесы должны быть читаны собранием</p>
Иное объединение	<p>Сострадательная благость его [Марка Аврелия] зрела во всех чинах государственных многочисленное токмо общество братьев, друзей и сродников</p>
Жизнь среди людей	<p>Стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего</p>
Коммуникация	<p>Египтяне удалились сперва от всякого *сообщества с чужестранцами, в силу своей веры и обычаев</p> <p>Я сам имел славу быть в обществе знаменитых сих учителей</p>

Социально-политический конструкт	<p>Третий чин — душа общества; он политическому корпусу есть то, что желудок человеческому</p> <p>О римляне! Почто у людей источник блага всегда в источник зла преобращается? Сие святое правосудие, помощь и ручательница общества, стала при тиранах ваших самым основанием разрушения</p> <p>Марк Аврелий видел, что природа вложила во всех людей ум, к обществу способный; отсюда усматривает он рождающееся понятие о вольности, ибо где токмо владыко и рабы, тамо нет общества</p> <p>Я познал, какое имею место во вселенной, рассматривал, какое место в обществе имею, и с ужасом узрел, что в оном поставлен я на чреду земных владык</p>
----------------------------------	--

Когнитивная карта того же корпуса текста индифферентна к границам между выделенными значениями и «перекраивает» материал исходя из имманентных (а не контекстно интерпретируемых) значений. Так, конструкции типа *свое общество* и *благородное общество*, отнесенные в таблице 4 к одному значению («дворянское сословие»), лингвистически являют собой два различных значения. 1) *Свое общество* представляет расчлененную структуру, эксплицируя отношения между отдельными участниками ситуации общности; 2) *благородное общество* — называет участников ситуации (ср. трансформ: *общество благородных*). К этому второму значению логически относится пример, который в таблице 4 классифицируется по остаточному принципу («иное объединение»): *общество братьев, друзей и сродников*. Это значение реализуется также и в примере *быть в обществе знаменитых сих учителей*. Однако этот пример является более сложным ввиду реализации в нем когнитивной (концептуальной) схемы «вместилище».

Концептуальные схемы

Теория концептуальных схем была разработана Дж. Лакоффом: «Опыт в существенном отношении структурирован до и независимо от образования каких-либо концептов. Существующие концепты могут накладывать дополнительное структурирование на опыт, который мы получаем, но базовые структуры опыта присутствуют независимо от какого-либо обнаружения концептов» (Лакофф, 2003: 353). К базовым структурам относятся кинестетические образные схемы — к ним относится схема «вместилище» — она «определяет наиболее базовое разграничение — разграничение между ВНУТРИ и СНАРУЖИ. Мы понимаем наши тела как вместилища» (Там же: 354), в языке происходит «распространение телесно-ориентированного понимания вещей на широкий круг абстрактных концептов» (Там же).

Помимо рассмотренного примера *быть в обществе знаменитых сих учителей*, к этому же типу относятся примеры *какое место в обществе имею* и *в обществе жить не есть не делать ничего* (в таблице 4 также отнесенных к разным значениям).

Иное значение представлено в конструкциях родительного принадлежности: *ручательница общества, душа общества*, где находит воплощение другая концеп-

туальная схема: «общество как человек, как персона» (лицо). Эта же концептуализация имеет место в независимом употреблении: *где токмо владыко и рабы, тамо нет общества*.

Таким образом, можно говорить о том, что на «оси селекции» представлено три концептуальных схемы: *отношение, человек, вместилище*. На «оси комбинации» им соответствуют различные языковые средства: лексические (*своё*), синтаксические (генетив принадлежности/изолированное употребление, предложно-падежная конструкция).

Полученную когнитивную карту возможно распространить и на более обширный корпус текстов (публицистика второй половины XVIII века³¹). При этом «ось селекции» в целом остается неизменной (действуют те же концептуальные схемы), варьируются лишь средства, представленные на «оси комбинации».

Концептуальная схема «отношение» является наиболее распространенной — она реализуется через актуализацию состава общности (конструкция с атрибутом или генетивная конструкция):

Почтенное/благородное общество

Просвещенное общество

Худое сообщество {общество плохих людей}

Честное общество {общество честных людей}

Общество разнovidных лиц

Общество юношей

Общество благовоспитанных людей

Он бросил меня в большой сундук, где находился я в обществе со многими разных сортов деньгами (Повесть о полуполтиннике)

Изолированное (без зависимых слов) употребление представлено реже:

Ум, к обществу способный

Общества между благородными

Пользоваться знакомствами и обществом

Общество не в обжирании и опивании состоит, и не может оно быть приятно, где нет равности

Изолированное употребление (*общество* либо не является синтаксической вершиной, либо входит в качестве субъекта в предикативный минимум), как правило, присуще реализации схемы «человек»:

Третий чин — душа общества

Правосудие — помощь общества

31. В корпус вошли публицистические тексты М. М. Щербатова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова.

Ослабление общества {общество ослабеваает}

Что с ним потеряло общество?

Страждущее общество {общество страдает}

Мысли общества {общество мыслит}

В глазах общества

Ослепление очей государя и общества

Чтобы преступник не вредил обществу

«Прототипическим» средством реализации схемы «вместилище» является предложно-падежная конструкция (в + В.п., в + П.п.):

Человек для сохранности своей вступает в общество

Государь есть первый гражданин народного общества

Смертная казнь в обществе не нужна

Человек, живущий в обществе под сению законов

В государстве, то есть в обществе людей законами управляемом

Другая возможность воплощения этой схемы — конструкции с атрибутами:

здесьнее общество

парижское общество

Периферийные (побочные) случаи реализации названной концептуальной схемы связаны с наложением на другую концептуальную схему, реализованную прототипическим средством:

Все почти общество безрассудно покупает

В этом примере *общество* занимает позицию субъекта и воплощает концептуальную схему «человек». Одновременно лексический ограничитель *все почти* «работает» в логике схемы «вместилище»: те, на кого распространяется называемое действие, как бы очерчиваются окружностью, вписанной в круг «общество».

Подобное совмещение концептуальных схем раскрывает когнитивный потенциал, представляемый словом *общество*. Раскрытие этого потенциала во времени связывается фактически с «перераспределением» выражаемых смыслов между различными языковыми единицами и языковыми средствами. Так, например, в «Путешествии в землю Офирскую» М. М. Щербатова мы встречаем конструкцию: «При всем обществе им укоризну учинить» (речь идет о публично оглашаемой провинности нескольких людей перед лицом всей колонии). На современный русский язык мы бы перевели это высказывание без употребления слова *общество*: *высказал перед всеми, при всех*. Значение «все, очерчиваемые кругом» выступает как второстепенное, не будучи противопоставленным значению «не входящие в

круг» (это значение в исходной конструкции представлено нулевой формой), и вследствие этого происходит нейтрализация этого противопоставления. В связи с этим сама идея круга («вместилище») оказывается невостребованной — и смысл подобного высказывания «уходит» к другой лексеме языка (*все*).

Общество в «Русской правде» П. И. Пестеля

В социально-политический язык слово *общество* «вторгается» тогда, когда вступает в определенные (парадигматические и синтагматические) отношения с терминами политического лексикона, в особенности с центральным термином — *государство*. Перестройка парадигматических отношений состоит в понижении приоритета непересеченных значений (конструкции типа *государство и общество*). Новый тип возможных отношений — включение: *государство — это такое общество, которое...* тождество: *общество — это государство*. В синтагматике реализуются, соответственно, синонимические (союз тождества *или*) и родовидовые отношения *государство — разновидность общества*.

Названные явления представлены в тексте «Русской правды» П. И. Пестеля (1825), являющейся опытом лингвистического моделирования значения языковой единицы, исходя из потенциально заложенных значений, о которых шла речь в предыдущих параграфах.

Следует прежде всего сказать, что *общество* — центральный термин документа. Термины *государство*, *гражданин* появляются как составные части понятийной системы, задаваемой словом *общество*. Дается следующее определение: «Всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели называется обществом» (Пестель, 2010: 323). Такое определение охарактеризовано по признакам: а) состав (*несколько человек*); б) основание общности (*цель*); в) тип связи (*соединение*, т. е. равноправие); г) временной параметр (*для достижения* — обращенность в будущее). В комбинации этих признаков присутствует нечто такое, что мы не наблюдали, рассматривая примеры предыдущих периодов (до конца XVIII века), а именно — одновременность реализации параметров «состав общности» и «основание общности» (реализует позицию наблюдателя). Напомним, что первый из этих параметров реализуется в полных представлениях (или в неполных, достроенных через инклюзивность), а второй является средством преодоления неполноты представления через третьеличность. Фактически это означает актуализацию сразу двух механизмов: инклюзивности и третьеличности. Наряду со стандартными (подобными рассмотренным выше) типами конструкций (А) в «Русской правде» присутствует и принципиально новый тип (В).

А) Преодоление неполноты представления через третьеличность, как уже было показано, приводит к реализации семантической роли агенса: *Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной. Общество как нерасчлененная единица заполняет также синтаксическую позицию объекта: Разрушить общество.*

В) *Общество* предстает как расчлененная структура (актуализируется параметр «состав общности»): *члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели*. В этом примере, несмотря на параметр «состав общности», не реализуется механизм инклюзивности: слово всякий указывает на отстраненную позицию Наблюдателя. Поэтому более точным будет усматривать здесь *третьеличность со спецификацией*, состоящей в актуализации параметра «состав общности».

Этот новый тип конструкции наиболее очевиден в следующем примере из «Русской правды»: *А ежели члены не хотят общество уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения, дабы составить только одно мнение*. Существенная «инновация» подобной конструкции состоит в соединении двух семантических моделей, которые были рассмотрены в параграфе, посвященном этимологии. Напомним, что первая модель трактует этимологию *обътъ без временного компонента — «круглая деревня», а вторая — сообразно временному представлению: «то, что обошли вокруг», «участок, определенный таким образом». Эти две трактовки воплощаются далее в механизме инклюзивности («я в круге общность») и третьеличности («я вне круга»). В рассмотренном примере слово *общество* выступает в роли пациенса (позиция объекта), подверженного действию *разрушить*. При этом действие направлено на *общество* как на нерасчлененную целостность. Однако субъект действия (*члены*) называет состав этой целостности, тем самым превращая ее в расчлененную единицу (*каждый из них*), элементы которой соединяются в новую целостность (*составить только одно мнение*).

Параметр «состав» конкретизируется в атрибутивной конструкции: *Народ российский составляет устроенное Гражданское общество*. Существенно отметить, что слово *гражданский* появляется в тексте «Русской правды» раньше, чем слово *гражданин*: понятие правового субъекта не является в этом тексте востребованным как таковое, а получает значимость исключительно в сфере концептуальной области «общество». Теперь мы можем сформулировать правило 2, согласно которому формируется социально-политическое значение:

Правило 2. Социально-политическое значение слова общество — это значение, возникающее при абсолютном (по максимальному набору параметров) преодолении неполноты структуры представления. Это означает, что неполнота представления преодолевается посредством третьеличности, сопровождающейся актуализацией параметра «состав» и временного параметра, и общество предстает как нерасчлененная единица с определенным, неизменным, однородным составом — сословие граждан.

Итоги

Рассмотрев исходные типы общностей, представленные в языке, и присущие им характеристики, мы поставили следующим образом: *Как возможно появление в сфере названных значений значение политическое?* Такая постановка вопроса принципиальна — она отлична от другой и, вероятно, ошибочной постанов-

ки вопроса: «Когда у этого слова возникает политическое значение?» Эта вторая формулировка неприемлема не только потому, что предполагает некое линейное «развитие» семантики слова *общество*, которое в какой-то момент «увенчалось» политическим смыслом, но и потому, что лишает исследователя возможности разглядеть в его семантической структуре то значение, которое впоследствии стало значением политическим.

Слово *общество* пережило колоссальное количество изменений, касающихся как парадигматических отношений с другими лексемами (вхождение в обширное словообразовательное гнездо в древнерусский период), так и плана синтагматики (синтаксическое управление и сочетаемость — ср., например: *ум, к обществу способный, общества между благородными* — в языке первой половины XVIII века), сигнализирующего об изменениях в смысловой структуре слова (ср. *общество блага* в значении «всеобщее благо»). Каким образом эти изменения могут быть объяснены исходя из логики «развития», «совершенствования» языка, «снятия противоречий»? Как отмечает М. Линн-Мерфи, «современная лексическая семантика видит свою задачу в изучении того, „как языковые конструкции связаны с человеческим мышлением“ (Jackendoff, 2006: 355)», а «лингвистическая семантика, в существенной мере, стала исследованием структур мысли — понятийных структур, того, какую сетку эти структуры накладывают на язык»³² (Murphy, 2011: 53). Понятые таким образом задачи лексической семантики ведут к раскрытию тезиса Козеллека о том, что социально-политические понятия являются фактором внеязыковой реальности. Как справедливо замечает А. Ф. Филиппов, «общество меняется [в зависимости] от того, как его понимают те, кто его образует. Здесь значение лексем [*общий, общество*] недвусмысленно свидетельствует о социальной реальности» (Филиппов, 2013: 273).

Выйти за пределы этой «логики ножниц» (внешние vs внутренние факторы изменений) возможно, если распространить мысль Козеллека в отношении слов языка: темпоральная структура слова есть когнитивный потенциал данной лексемы и его последовательное раскрытие во времени. При этом «область опыта» образуют уже реализовавшиеся семантические потенции (валентности) слова, а «горизонт ожидания» — те, которым только предстоит реализоваться³³.

Русское слово *общество* изначально обладает богатейшим когнитивным потенциалом, заключенным в его корне (несравнимым по объему с предоставляемым, например, во французском языке словом *société*). Язык словно непрестанно находится в поисках той общности, которую единственно можно выразить этим словом и никаким другим. Так, уходя из лексикона древнерусские *общник* (союзник), *общеседалище* (собрание), *общетрапезнь* (сотрапезник), не получают дальнейше-

32. «„[H]ow linguistic utterances are related to human cognition“, «linguistic semantic has, in large part, become the study of the structure of thought, that is, conceptual structure, and how that structure maps to language».

33. Такое понимание термина «темпоральная структура» было предложено О. Г. Ревзиной в рамках спецкурса «История слов и эволюция понятий», читаемого на филологическом факультете МГУ.

го бытования изобретения XVIII в. — *общемыслие* (единомыслие), *общество* (всеединство) и др. Из социально-политического языка ушли такие слова, как *общник* (гражданин), *общество* (государство). На фоне формирования социально-политического языка в «неофициальном дискурсе» (публицистика) конца XVIII века происходит своего рода «перетяжка» смыслов слова *общество* в сторону других формирующихся понятий политического лексикона. Так, концептуальная схема «человек, действующее лицо» переходит в сферу действия понятия о правовом субъекте (*гражданин*), схема «вместилище» остается прототипической для *государства*. Именно то, что является специфическим в слове *общество*, а именно концептуальная схема «отношение» подвергается осмыслению в теоретико-политическом ключе (что мы видели на примере «Русской правды» П. И. Пестеля) и впоследствии перенимает большинство средств выражения («ось комбинации») других двух концептуальных схем (позиция синтаксического субъекта, сочетание с атрибутом, генетивные конструкции и др.).

При этом формирование социально-политического значения не является конечной точкой, пресекающей дальнейшее движение языкового «дрейфа». Синхронно вышеописанному политическому значению встречается, например, такая конструкция: *Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом!* (о гибели людей во время сражения). Только на первый взгляд кажется, что такое употребление не имеет ничего общего со значением слова *общество* в «Русской правде» Пестеля. На самом же деле здесь реализуется та же тенденция, состоящая в экспликации основания общности. Только в «Русской правде» этим основанием является «соединение на основании общей цели» и этот признак входит в (предлагаемое в тексте) толкование слова, а здесь этим основанием общности служит момент времени: *погибать обществами* называет ситуацию, при которой большое количество людей погибает в один момент времени. Такое динамическое единство семантических структур (при различных лексических значениях конкретных словоупотреблений) обозначено нами как темпоральная семантика.

Литература

- Арутюнова Н. Д. (1990). Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. Доступно по адресу: <http://tapemark.narod.ru/les/372c.html> (дата доступа: 16.03.2015).
- Бёдекер Х. Э. (2010). Размышление о методе истории понятий / Пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение. С. 34–65.
- Бенвенист Э. (1974). Общая лингвистика / Пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др. М.: Прогресс.
- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. (1972). Очерки по исторической лексикографии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. Л.: Наука.

- Будагов Р. А.* (1940). Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та.
- Веселитский В. В.* (1968). Из истории отвлеченной лексики XVIII в.: лексическая вариантность и некоторые пути ее сокращения в связи с нормализацией русского национального литературного языка // Русская историческая лексикология / Под ред. С. Г. Бархударова, В. В. Веселитского, Ф. П. Филина. М.: Наука. С. 40–64.
- Веселитский В. В.* (1964). Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М.: Наука.
- Гийому Ж.* (2010). Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий / Пер. с франц. С. Лучицкой // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение. С. 85–111.
- Даль В. И.* (1866). Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Типография Т. Риса.
- Жданова Л. А.* (1997). Общество: языковое значение и концепт // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ.
- Живов В. М.* (2009). История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур. С. 5–27.
- Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И.* (Сост.). (2014). Словарь основных исторических понятий / Пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение.
- Ильин М. В.* (1997). Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН.
- Калугин Д.* (2011). История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб. С. 305–394.
- Касториадис К.* (2003). Воображаемое установление общества / Пер. с франц. Г. Волковой и С. Офертаса. М.: Гнозис, Логос.
- Кашипов В. В.* (Ред.). (1871). Памятники новой русской истории: сборник исторических статей и материалов. Т. 1. СПб.: Типография Майкова.
- Козеллек Р.* (2006). Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю. И. Баилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. Вып. 5. СПб.: Алетейя. С. 33–53.
- Козеллек Р.* (2010). К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение. С. 21–33.
- Козеллек Р.* (2014). Введение // Словарь основных исторических понятий. Т. 1 / Сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение. С. 23–45.
- Копосов Н. Е.* (2001). Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение.
- Копосов Н. Е.* (2005). Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение.

- Кубрякова Е. С. (1970). Место вопроса о языковых изменениях в современной лингвистике // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / Под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука. С. 197–206.
- Курукин И. В., Плотников А. Б. (2010). 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига.
- Лакофф Дж. (2011). Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Гнозис.
- Мадариага И. де. (2002). Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение.
- Маслов Б. П. (2012). Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1 / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение. С. 343–382.
- Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И. (Ред.). (2012). «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение.
- Омельченко О. А. (1977). Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века. Автореферат дисс. ... к.и.н. М.: МГУ.
- Падучева Е. В. (2004). Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры.
- Панов М. В. (2007). Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры.
- Пестель П. И. (2010). Русская правда // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / Сост. А. Н. Медушевского М.: РОССПЭН. С. 323–399.
- Плавинская Н. Ю. (2001). «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х — нач. 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения / Под ред. С. Карпа, И. Кузнецова, Г. Чертовой. М.: РГГУ. С. 9–36.
- Покровский М. М. (1959). Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР.
- Польской С. В. (2002). Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах. Вып. 19: Россия и Британия в эпоху Просвещения: опыт философской и культурной компаративистики. Часть 1 / Под ред. Т. В. Артемьевой и М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей. С. 107–118.
- Потебня А. А. (1958). Из записок по русской грамматике. Т. 1. М.: АН РСФСР.
- Протасов Г. А. (1971). Дворянские проекты 1730 г.: источниковедческое изучение // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов: ТГПИ. С. 61–102.
- Ревзина О. Г. (1988). Семантическое представление и семантическое толкование поэтического текста // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian / Ed. by M. Halle. Columbus: Ohio University Press.

- Ревзина О. Г. (2009). Поэтика семантического признака // *Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. С. 72–90.
- Ревзина О. Г. (2013). Темпоральная структура концепта // *Языковые параметры современной цивилизации: Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова*. М.: Ин-т языкознания РАН. С. 183–192.
- Ридель М. (2014). Общество, общность (Gesellschaft, Gemeinschaft) // *Словарь основных исторических понятий*. Т. 2 / Под ред. Ю. Зарецкого, Л. Левинсона, И. Ширле; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение. С. 220–321.
- САР. (1789–1794). *Словарь Академии Российской*. СПб.: Императорская Академия наук.
- СДРЯ XI–XIV. (1988–2004). *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М.: Русский язык.
- Сепир Э. (1993). *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Универс.
- Срезневский И. И. (1893–1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб.: Императорская Академия наук.
- СРЯ XI–XVII. (1975–2006). *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука.
- СЦСРЯ. (1847). *Словарь церковно-славянского и русского языка*. СПб.: Императорская Академия наук.
- Тарановский Ф. В. (1904). *Политическая доктрина в Наказе имп. Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М. Р. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Под ред. М. Н. Ясинского*. К.: Типография С. В. Кульженко. С. 44–86.
- Тестелец Я. Г. (2001). *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ.
- Тимофеев Д. В. (2011). *Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в.* Челябинск: Энциклопедия.
- Третьяков И. А. (1772). *Разсуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов*. М.: Императорский Московский университет.
- Фасмер М. (2003). *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М.: Астрель.
- Филиппов А. Ф. (2013). *Общее, общественное и публичное в их преемственности и изменении // Социология власти*. № 1-2. С. 269–285.
- Хархордин О. В. (Ред.). (2011). *От общественного к публичному*. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Цыганенко Г. П. (1989). *Этимологический словарь русского языка*. Киев: Радянська школа.
- Черных П. Я. (2004). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1. М.: Русский язык-Медиа.
- Чечулин Н. Д. (Ред.). (1907). *Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения*. СПб.: Императорская Академия наук.

- Якобсон Р.* (1975). Лингвистика и поэтика / Пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс. С. 193–231.
- Benveniste E.* (1966). *Problèmes de linguistique générale*. Vol. 1. Paris: Gallimard.
- Branca-Rosoff S., Guilhaumou J.* (2003). De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursif // *Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815)*. F. 7: Notions théoriques. Paris: Honoré Champion. P. 143–179.
- Brunner O., Conze W., Koselleck R.* (Hrsg.). (1972–1993). *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Guilhaumou J.* (2006). *Discours et événement: l'histoire langagier des concepts*. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté.
- Jackendoff R.* (2006). On Conceptual Semantics // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 3. № 3. P. 353–358.
- Koselleck R.* (1997). The Temporalisation of Concepts // *Finnish Yearbook of Political Thought*. Vol. 1. P. 16–24.
- Koselleck R.* (2002). *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press.
- Koselleck R.* (2004). *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Lakoff J., Turner M.* (1989). *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lehmann H., Richter M.* (Eds.). (1996). *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*. Washington: German Historical Institute.
- Lynne Murphy M., Piazza R.* (2011). Linguistic Semantics and Historical Semantics // *Asymmetrical Concepts after Reinhart Koselleck: Historical Semantics and Beyond* / Ed. by K. Junge, K. Postoutenko. Bielefeld: Transcript. P. 51–81.
- Nadeau C.* L'histoire comme construction sociale politique: une lecture croisée de Reinhart Koselleck et Quentin Skinner // *Cahiers d'épistémologie*. № 330.

Temporal Semantics of the Word “Obshestvo” (11th — Beginning of the 19th Centuries)

Galina Durinova

Graduate Student, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: galina.dourinova@gmail.com

It would not be an exaggeration to assume that the Begriffsgeschichte studies (history of concepts) are now spreading through practically all fields of the Humanities. Its initial proposal

was to explore the sociopolitical lexicon as a tool for creating history. It paid attention to the idea of untranslatable concepts in particular languages, despite the fact that they often have the same Latin or Greek roots (like “society,” “société,” “società,” “sociedad,” etc.). But the cases where one word is supposed to convey the meaning of the Latin root by using a root original to this given language are still relatively unexplored. Such is the case of the Russian language where the concept of “society” was expressed initially by the word “obshchestvo,” derived from the Slavic root “obshch-,” meaning “common.” From the linguistic point of view, we suggest that the traditional question “When did the word ‘obshchestvo’ obtain its sociopolitical meaning?” should be replaced by the following: “What meaning of this Russian word has become a political one?” To answer this question, we should explore the proper linguistic conditions of this transition. This means finding out how it is possible to linguistically/politically arrive from the constructions like “the community of the wellness” (obshchestvo blaga) to the patterns of “the thoughts of the society,” “the soul of the society,” or “the suffering society.”

Keywords: historical semantics, Begriffsgeschichte, principles of linguistic change, concepts, cognitive models

References

- Arutyunova N. (1990) Performativ [Performative]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopaedic Dictionary of Linguistics]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/372c.html> (accessed 16.03.2015).
- Benveniste E. (1974) *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics], Moscow: Progress.
- Benveniste E. (1966) *Problèmes de linguistique générale, Vol. 1*, Paris: Gallimard.
- Birzhakova E., Voinova L., Kutina L. (1972) *Ocherki po istoricheskoi leksikografii russkogo jazyka XVIII veka: jazykovye kontakty i zaimstvovanija* [Studies in Historical Lexicography of Russian Language of the 18th Century: Linguistic Contacts and Borrowings], Leningrad: Nauka.
- Bodeker H. (2010) Razmyshlenie o metode istorii ponjatij [Reflection on the Method of the History of Concepts]. *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor* [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 34–65.
- Branca-Rosoff S., Guilhaumou J. (2003) De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursif. *Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815), F. 7: Notions théoriques*, Paris: Honoré Champion, pp. 143–179.
- Brunner O., Conze W., Koselleck R. (eds.) (1972–1993) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, Stuttgart: Klett-Cotta.
- Budagov R. (1940) *Razvitie francuzskoj politicheskoi terminologii v XVIII veke* [The Development of the French Political Terminology in the 18th Century], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Castoriadis C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva* [The Imaginary Institution of Society], Moscow: Gnozis, Logos.
- Chechulin N. (ed.) (1907) *Nakaz Imperatricy Ekateriny II, dannij Komissii o sochinenii proekta Novogo Ulozhenija* [The Instruction of Catherine the Great, Given to the Commission for Creating a Project of New Establishment], Saint-Petersburg: Imperatorskaja Akademiya nauk.
- Chernykh P. (2004) *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka. T. 1* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language], Moscow: Russkij jazyk-Media.
- Dal V. (1866) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language], Saint-Petersburg: Tipografija T. Risa.
- Fasmer M. (2003) *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Tom 3* [Etymological Dictionary of Russian Language, Vol. 3], Moscow: Astrel'.
- Filippov A. (2013) Obshhee, obshhestvennoe i publicnoe v ih preemstvennosti i izmenenii [Common, Communal and Public in Their Continuity and Change]. *Sociology of Power*, no 1-2, pp. 269–285.
- Jackendoff R. (2006). On Conceptual Semantics. *Intercultural Pragmatics*, vol. 3, no 3, pp. 353–358.

- Guilhaumou J. (2006) *Discours et événement: l'histoire langagier des concepts*, Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté.
- Guilhaumou J. (2010) Lingvisticheskaia istorija konceptual'nyh slovopotreblenij, proverennaja na opyte lingvisticheskikh sobytij [The Linguistic History of Conceptual Usages Tested with the Help of Linguistic Events]. *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor* [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 85–111.
- Ilyin M. (1997) *Slova i smysly: opyt opisaniya ključevykh političeskikh ponjatij* [Words and Meanings: An Essay on the Description of Key Political Concepts], Moscow: ROSSPEN.
- Imperial Academy of Sciences (1847) *Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language], Saint-Petersburg: Imeratorskaja Akademija nauk.
- Institute of Russian Language (1975–2006) *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of Russian Language of the 11–17th Centuries], Moscow: Nauka.
- Institute of Russian Language (1988–2004) *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV veka)* [Dictionary of Ancient Russian Language (11–14th Centuries)], Moscow: Russkij jazyk.
- Jakobson R. (1975) Lingvistika i pojetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: Pro et Contra] (eds. E. Basin, M. Poliakov), Moscow: Progress, pp. 193–231.
- Kalugin D. (2011) Istorija ponjatija "obshhestvo" ot Srednevekov'ja k Novomu vremeni: russkij opyt [History of the Concept "Society" from the Middle Age to the Modern Age: Russian Experience]. *Ot obshhestvennogo k publicnomu* [From the Common to the Public] (ed. O. Kharkhordin), Saint-Petersburg: EUSPb, pp. 305–394.
- Kashpиров V. (ed.) (1871) *Pamjatniki novoj russkoj istorii: sbornik istoričeskikh statej i materialov. Tom 1* [The Records of New Russian History: The Collection of Historical Articles and Texts, Vol. 1], Saint-Petersburg: Tipografija Majkova.
- Kharkhordin O. (ed.) (2011) *Ot obshhestvennogo k publicnomu* [From the Common to the Public], Saint-Petersburg: EUSPb.
- Koposov N. (2001) *Kak dumajut istoriki* [How Historians Think], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koposov N. (2005) *Hvatit ubivat' koshek! Kritika social'nyh nauk* [Stop Killing the Cats!: Towards a Critique of Social Sciences], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koselleck R. (1997) The Temporalisation of Concepts. *Finnish Yearbook of Political Thought*, vol. 1, pp. 16–24.
- Koselleck R. (2002) *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*, Stanford: Stanford University Press.
- Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, New York: Columbia University Press.
- Koselleck R. (2006) Social'naja istorija i istorija ponjatij [Social History and History of Concepts]. *Istoricheskie ponjatija i političeskie idei v Rossii XVI–XX vekov. Vypusk 5* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia in the 16–20th Centuries], Saint-Petersburg: Aleteija, pp. 33–53.
- Koselleck R. (2010) K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoričeskom razvitii ponjatij [Towards the Question of Temporal Structures in the Historical Development of Concepts]. *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor* [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 21–33.
- Koselleck R. (2014) Vvedenie [Introduction]. *Slovar' osnovnykh istoričeskikh ponjatij. Tom 1* [Dictionary of the Basic Historical Concepts, Vol. 1] (eds. Y. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 23–45.
- Kubriakova E. (1970) Mesto voprosa o jazykovykh izmenenijah v sovremennoj lingvistike [The Place of the Question about the Linguistic Change in Contemporary Linguistics]. *Obshhee jazykoznanie: formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka* [General Linguistics: Forms of Being, Functions, History of Language] (ed. B. Serebrennikov), Moscow: Nauka, pp. 197–206.
- Kurukin I., Plotnikov A. (2010) *19 janvarja — 25 fevralja 1730 goda: sobytija, ljudi, dokumenty* [January 19 — February 25, 1730: Events, People, Documents], Moscow: Kvadriga.
- Lakoff J. (2011) *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: čto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind], Moscow: Gnozis.

- Lakoff J., Turner M. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*, Chicago: University of Chicago Press.
- Lehmann H., Richter M. (eds.) (1996) *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*, Washington: German Historical Institute.
- Lynne Murphy M., Piazza R. (2011) Linguistic Semantics and Historical Semantics. *Asymmetrical Concepts after Reinhart Koselleck: Historical Semantics and Beyond* (eds. K. Junge, K. Postoutenko), Bielefeld: Transcript, pp. 51–81.
- Madariaga I. de (2002) *Rossija v jepohu Ekateriny Velikoj* [Russia in the Age of Catherine the Great], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Maslov B. (2012) Rozhdenie i smert' Dobrodeteli v Rossii: o mehanizmah propagacii ponjatij [Birth and Death of the Virtue in Russia: On the Mechanisms of Propagation of Concepts]. *"Ponjatija o Rossii": k istoricheskoj semantike imperskogo perioda. Tom 1* ["Notions about Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period, Vol. 1] (eds. A. Miller, D. Sdvizhkov, I. Shirle), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 343–382.
- Miller A., Sdvizhkov D., Shirle I. (eds.) (2012) *"Ponjatija o Rossii": k istoricheskoj semantike imperskogo perioda* ["Notions about Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Nadeau C. (2005). L'histoire comme construction sociale politique: une lecture croisée de Reinhart Koselleck et Quentin Skinner. *Cahiers d'épistémologie*, no 330.
- Omelchenko O. (1977) *Nakaz Komissii o sostavlenii proekta novogo ulozhenija Ekateriny II: oficial'naja politicheskaja teorija russkogo absoljutizma vtoroj poloviny XVIII veka* [The Instruction of Catherine the Great, Given to the Commission for Creating a Project of New Establishment: Official Political Theory of Russian Absolutism in the Second Half of the 18th Century] (Candidate of Sciences Dissertation), Moscow: Moscow State University.
- Paducheva E. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Lexicon], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Panov M. (2007) *Trudy po obshhemu jazykoznaniju i russkomu jazyku. Tom 2* [Works on the General Linguistics and Russian Language, Vol. 2], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Pestel P. (2010) *Russkaja pravda* [Russkaya Pravda]. *Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII — nachala XX veka* [Constitutional Projects in Russia of the 18th — Beginning of the 19th Centuries] (ed. A. Medushevsky), Moscow: ROSSPEN, pp. 323–399.
- Plavinskaya N. (2001) "Nakaz" Ekateriny II vo Francii v konce 60-h — nachale 70-h godov XVIII veka: perevody, cenzura, otkliki v presse [Catherine the Great's "Instruction" in France at 1760s — Beginning of 1770s]. *Russko-francuzskie kul'turnye svjazi v jepohu Prosveshhenija* [Russian-French Cultural Links in the Age of Enlightenment] (eds. S. Karp, I. Kuznetsov, G. Chertkova), Moscow: RSUH, pp. 9–36.
- Pokrovsky M. (1959) *Izbrannye raboty po jazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics], Moscow: Izdatel'stvo AS USSR.
- Polskoy S. (2002) Politicheskie idei Dzhona Lokka v Rossii pervoj poloviny XVIII veka [John Lock's Political Ideas in Russia at the First Half of the 18th Century]. *Filosofskij vek: Al'manah. Vyp. 19: Rossija i Britanija v jepohu Prosveshhenija: opyt filosofskoj i kul'turnoj komparativistiki. Chast' 1* [The Philosophical Age: Almanac, Issue 19: Russia and Britain in the Enlightenment: An Attempt in Philosophical and Cultural Comparativistics] (eds. T. Artemieva, M. Mikeschin), Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Center for History of Ideas, pp. 107–118.
- Potebnja A. (1958) *Iz zapisok po russkoj grammatike. Tom 1* [From Notes on Russian Grammar, Vol. 1], Moscow: AN RSFSR.
- Protasov G. (1971) Dvorjanskije proekty 1730 goda: istochnikovedcheskoe izuchenie [The Projects of Nobility of 1730: Source-Studies]. *Istochnikovedcheskie raboty. Vypusk 1* [Works on the Source-Studies, Issue 1], Tambov: TGPI, pp. 61–102.
- Revzina O. (1988) Semanticheskoe predstavlenie i semanticheskoe tolkovanie pojeticheskogo teksta [Semantic Representation and Semantic Explanation of Poetic Text]. *Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian* (ed. M. Halle), Columbus: Ohio University Press.

- Revzina O. (2009) Pojetika semanticheskogo priznaka [Poetics of Semantic Attribute]. *Bezmernaja Cvetaeva: opyt sistemnogo opisaniya pojeticheskogo idiolekta* [Immesurable Tsvetaeva: Essay in the Systematic Description of Poetic Idiolect], Moscow: Dom-muzej Mariny Tsvetaevoj, pp. 72–90.
- Revzina O. (2013) Temporal'naja struktura koncepta [The Temporal Structure of the Concept]. *Jazykovye parametry sovremennoj civilizacii* [Linguistic Parameters of Contemporary Civilization], Moscow: Institut jazykoznanija RAN, pp. 183–192.
- Riedel M. (2014) Obshhestvo, obshhnost' (Gesellschaft, Gemeinschaft) [Society, Community (Gesellschaft, Gemeinschaft)]. *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij. Tom 2* [Dictionary of the Basic Historical Concepts, Vol. 2], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 220–321.
- Russian Academy (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy], Saint-Peterburg: Imperatorskaja Akademiya nauk.
- Sapir E. (1993) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies], Moscow: Univers.
- Sreznevsky I. (1893–1912) *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam* [Data for the Dictionary of Ancient Russian Language Based on Written Records], Saint-Petersburg: Imperatorskaja Akademiya nauk.
- Taranovsky F. (1904) Politicheskaja doktrina v Nakaze imp. Ekateriny II [Political Doctrine in the Instruction of Catherine the Great]. *Sbornik statej po istorii prava, posvjashhenyj M. P. Vladimirkomu-Budanovu ego uchenikami i pochitateljami* [Works on the History of Law Dedicated to M. Vladimirsky-Budanov by His Students and Admirers] (ed. M. Yasinsky), Kiev: Tipografija S. V. Kul'zhenko, pp. 44–86.
- Testelets Y. (2001) *Vvedenie v obshhij sintaksis* [Introduction to the General Syntax], Moscow: RSUH.
- Timofeev D. (2011) *Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka* [European Ideas in the Social and Political Lexicon of Educated Russian Citizen in the First Half of the 19th Century], Chelyabinsk: Enciklopedija.
- Tretiakov I. (1772) *Razsuzhdenie o prichinah izobilija i medlitel'nago obogashhenija gosudarstv, kak u drevnih, tak i u nyneshnih narodov* [The Reflection on the Causes of Profusion and Slow Enrichment of States of the Ancient as Well as New Nations], Moscow: Imperatorskij Moskovskij universitet.
- Tsyganenko G. (1989) *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language], Kiev: Radjans'ka shkola.
- Veselitsky V. (1964) *Razvitie otlachennoj leksiki v russkom literaturnom jazyke pervoj treti XIX veka* [Development of the Abstract Vocabulary in Russian Literary Language of the First Third of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Veselitsky V. (1968) Iz istorii otlachennoj leksiki XVIII veka: leksicheskaja variantnost' i nekotorye puti ee sokrashhenija v svyazi s normalizaciej russkogo nacional'nogo literaturnogo jazyka [From the History of Russian Abstract Vocabulary of the 18th Century: Lexical Variability and Some Ways of Its Reduction in Relation to the Normalization of Russian National Literary Language]. *Russkaja istoricheskaja leksikologija* [Russian Historical Lexicology] (eds. S. Barkhudarov, V. Veselitsky, F. Filin), Moscow: Nauka, pp. 40–64.
- Zaretsky Y., Levinson K., Shirle I. (eds.) (2014) *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij* [Dictionary of the Basic Historical Concepts], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zhdanova L. (1997) Obshhestvo: jazykovoe znachenie i koncept [Society: Linguistic Meaning and Concept]. *Aktual'nye problemy jazykoznanija i literaturovedeniya. Vypusk 3* [Current Issues in Language and Literature Studies, Issue 3], Moscow: MSU.
- Zhivov V. (2009) Istorija ponjatij, istorija kul'tury, istorija obshhestva [History of Concepts, History of Culture, History of Society]. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo jazyka rannego Novogo vremeni* [Essays in the Historical Semantics of Russian Language in the Early Modern Age], Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, pp. 5–27.